

Чжань Чжао был мертвецки пьян и теперь притих, свернувшись клубочком, точно сонный кот.

Минь Сюсю улыбалась так загадочно, что по шее Бай Юйтана пробежал холодок, а волосы на руках встали дыбом. Он и представить не мог, что за мысли роились в голове его старшей невестки.

— Невестка, с тобой всё в порядке?

— Вполне. Просто кое-что вспомнила.

— И что же?

— Возможно, ты уже встречался с матерью Чжань Чжао. Если я не ошибаюсь, в своё время она была той самой красавицей, что всколыхнула весь Поднебесный мир! — Минь Сюсю со смешком махнула рукой, пресекая дальнейшие расспросы. — Неудивительно, что он такой очаровательный. Если он действительно сын той женщины...

— Да кто она такая?

— Вот проспится, сам у него и спросишь.

Бай Юитан остался в полном недоумении, но любопытство уже разгорелось в нём ярким пламенем: что же за человек была мать Чжань Чжао? Пятый господин с детства не знал материнской ласки, и хотя у него была приёмная мать, бабушка Цзяннин, которая любила его как родного, он всё равно иногда задавался вопросом — каково это, иметь мать, связанную с тобой кровными узами? Чжань Чжао тоже упоминал, что лишился её очень рано. Юитан невольно задумался: а не гадают ли и этот Кот порой, как сложилась бы их жизнь, будь его мать всё ещё жива?

Бай Юитан взглянул на Чжань Чжао, который уютно зарылся в одеяло, и невольно улыбнулся. «Надо будет выбрать время и расспросить его», — решил он.

Чжань Чжао, словно почуяв его мысли, завозился, теснее прижался щекой к подушке и невнятно пробормотал под нос:

— Мама...

Голос его звучал совсем по-детски, капризно и нежно.

Так кем же была его родительница? Бай Юйтана задели эти мягкие, сонные звуки. Ему до смерти захотелось узнать, что за удивительная женщина могла воспитать такого сына — порой колючего, а порой вот такого, беззащитно-кошачьего. По словам невестки, она была известной

в мире боевых искусств красавицей. Но кто именно?

— Пятый господин, старшие братья вернулись, — в дверях Обители Снежной Тени показался Бай Фу. — Прослышав, что господин Чжань у вас, они сразу направились сюда.

— Ясно. Пусть заходят. А Кот...

Бай Юйтан не успел договорить — в комнату бесцеремонно ввалился Сюй Цин.

— Послушай, пятый брат! — пробасил он. — Неужто этот Чжань Чжао когда-то тебя знал, а потом напрочь забыл? Ты поэтому на него так окрысился?

Юйтан опешил. Откуда Третьему брату стало известно о его догадках?

— Это нам господин Бао и стражи Управы Кайфэна поведали, — пояснил подошедший Цзян Пин. — Уж не знаю, болезнь это или что ещё, но если ты таишь обиду только из-за его забывчивости, то это, брат, сущая мелочность. Конечно, не знать о таком и наткаться на равнодушие — обидно, но раз уж дело в недуге, будь милосерден. Отпусти его и верни сокровища. И самому Чжань Чжао, и господину Бао сейчас и без твоих выходов тошно.

— Да он спит, — буркнул Юйтан.

— Спит? Что с ним?

— Ничего особенного, — Бай Юйтан сконфуженно потёр кончик носа. — Просто пить не умеет. Хватило пары чарок, чтобы захмелеть.

— О как? Вы уже и выпить успели? Прямо как добрые братья.

— Кто это с ним брататься собрался?! — Юйтан тут же ошетинился.

На самом деле, он и сам не понимал, хочет ли он этой дружбы, но пока не видел иного пути. Придётся начать с малого — хотя бы с вежливого знакомства, а там видно будет. Однако подшучивания Четвёртого брата всё равно задевали его самолюбие.

— Ладно вам, главное, что всё обошлось без кровопролития, — подал голос Лу Фан, чей авторитет старшего брата был непререкаем. — Как проснётся — отдай ему вещи. Юйтан, тебе всё равно придётся ехать в Кайфэн, чтобы уладить дело миром. Не волнуйся: если власти вздумают чинить препятствия, мы с братьями хоть тюрьму возьмём штурмом, а тебя вызволим.

«Штурмовать тюрьму? Это он, конечно, загнул», — подумал Юйтан.

Он и не предполагал, что его забава зайдёт так далеко. Сначала Пятый господин просто хотел подразнить Кота и заманить его на остров, но совсем забыл, что «Три сокровища» дарованы самим императором. А значит, их кража — преступление государственного масштаба.

Юйтан виновато покосился на спящего Чжань Чжао. «Да уж, похоже, я и впрямь подкинул ему проблем».

Похмелье — штука прескверная. Знай Чжань Чжао вчера, чем обернётся вечер, ни за что не стал бы пить лишнего.

Он открыл глаза, но в голове невыносимо пульсировало. Не то чтобы Чжань Чжао совсем не знал вкуса спиртного — в детстве он был тем ещё проказником, а из-за слабого здоровья его часто поили целебными настойками. Те, конечно, отличались от настоящего вина, но закалку дали неплохую; среди сверстников Чжао считался весьма стойким едоком и пьющим. Помнил он и как стащил у учителя любимую «Белую грушу», после которой впервые в жизни узнал, что такое беспамятство.

Тяжёлый урок он усвоил накрепко и с тех пор всегда знал меру, но вчерашняя ночь... То ли небо было слишком бездонным, то ли луна — чересчур яркой, но осторожность покинула его. А может, всё дело в том, что это была «Дочь Красная», а не привычный грушевый напиток?

Чжань Чжао потёр виски, пытаясь унять гул в ушах. Мозги словно превратились в вязкую кашу, мысли путались и ускользали.

— Проснулся?

От неожиданного голоса Чжань Чжао вздрогнул. Перед ним возникло лицо — красивое, дерзкое, смутно знакомое. Страж Чжань уже привык к своей забывчивости, но сейчас, на свежую после хмеля голову, он решительно не мог сообразить, кто перед ним. Если бы это был Чжань Линь, он узнал бы его из тысячи, а в этой ситуации оставалось лишь одно...

— А вы... кто?

Бай Юйтан мгновенно помрачнел. Он только что пребывал в прекрасном расположении духа, но теперь не знал, то ли злиться, то ли смеяться. Как такое возможно? Он не видел Кота три дня, когда пробрался во дворец, и тогда тот его не забыл. А тут — виделись вчера, и на тебе: амнезия!

— Опять не помнишь?! — Юйтан выделил «опять» так тяжко, словно навалил на Кота гору кирпичей.

— М-м? — Чжань Чжао присмотрелся, наморщил лоб, сиюсь вызвать хоть какой-то образ, и медленно, неуверенно проговорил: — Брат Бай?..

Юйтан мысленно выдохнул. «Ладно, раз вспомнил, так и быть — живи». Пятый господин решил проявить великодушие к чужому недугу и по привычке щегольски раскрыл веер. Изящные иероглифы, выведенные в стиле Лю, попали прямо в поле зрения Кота.

Чжань Чжао долго смотрел на надпись и вдруг всё вспомнил.

— Брат Бай... Так это ты был тем юношей в поселении Мяо?

Голос его стал твёрдым, а взгляд — уверенным. Юйтан невольно вздрогнул: он-то надеялся скрыть старую встречу, но теперь отпираться было поздно. Любые оправдания прозвучали бы нелепо.

Но Чжань Чжао добавил:

— Неужели тот юноша, о котором рассказывала матушка — это тоже ты?

— Твоя мать? И что же она говорила? — Бай Юйтану до смерти захотелось узнать правду. Таинственная «красивая сестра» из воспоминаний невестки не давала ему покоя.

— Ну... — Чжань Чжао поморщился от боли в висках. — Когда мне было лет десять, матушка ездила в Сунцзян навестить младшую сестру по учению. На обратном пути она заглянула ко мне в Сучжоу — я тогда жил у учителя. Она рассказала, что встретила в Сунцзяне на редкость милого мальчишку. Он так вцепился в её рукав, что не оторвать, и всё звал её «Красивой старшей сестрой». Матушка убеждала его, что по возрасту ей положено быть ему тёткой, но тот сорванец и слушать не желал. Гнул своё: «Красивая сестра» — и всё тут. Даже когда она назвалась госпожой Жун, он и бровью не повёл.

Тут и Бай Юйтан всё вспомнил. Десять лет назад на Остров Пустоты действительно приезжала гостя — ослепительно прекрасная женщина, ровесница его старшей невестки. Минь Сюсю тогда только вышла за Лу Фана, и госпожа Жун, её старшая наставница, приехала поздравить молодых. Говорили, что она рано вышла замуж, оставила мир боевых искусств и зажила тихой семейной жизнью, помогая мужу в делах. В тот раз она выбралась в путь одна, пока муж и старший сын были в отъезде, а младшего прибрал к рукам какой-то великий мастер, запретивший ему спускаться с гор. Оставив дом в Чанчжоу на попечение дяди Чжуна, она решила развеяться, а заодно повидать младшего сына в Сучжоуской префектуре.

Минь Сюсю тогда на острове чувствовала себя неудобно, и приезд названной сестры стал для неё спасением. Лу Фан уговорил гостью остаться подольше, и та согласилась, послав весточку домой. Так она и жила в поместье Лу, деля кров с невесткой.

Юный Юйтан тогда решил, что именно так — нежно и величественно — должна выглядеть его собственная мать. Он знал, что не может называть чужую женщину мамой, но всем сердцем тянулся к ней.

Бай Юйтан тогда жутко завидовал её сыну. Как можно иметь такую мать и позволять ей путешествовать в одиночку? Он даже спрашивал её об этом, на что та лишь смеялась вместе с невесткой. Минь Сюю тогда добавила: «Попробуй-ка её похитить — замучаешься. Она похлеще мужа будет».

Весь тот визит Юйтан ходил за ней хвостом, споря об обращениях. Даже Бай Цзиньтан удивлялся: «Чего ты к ней привязался? Она же сказала, что её младший сын — твой ровесник, а есть ещё и старший!»

Но Юйтан не мог объяснить. Когда она уезжала в Сучжоу, он так и крикнул ей вслед: «Прощай, Красивая сестра!»

— Так, значит, ты сын сестры Жун! — Бай Юйтан вскинул брови и посмотрел на Чжань Чжао с нескрываемым сожалением. — Знай я это тогда, напросился бы с ней. Глядишь, встретил бы тебя раньше и вылечил бы твою дырявую голову!

— Вряд ли, — Чжань Чжао покачал головой; хмель понемногу выветривался. — Учитель был суров. Если в Грушевом саду появлялся чужак, он никого не пускал на порог. Мне запрещалось спускаться с горы без крайней нужды. Отец, мать и брат навещали меня сами, но учитель сразу предупредил их: никаких посторонних. В молодости он пережил нечто страшное, после чего возненавидел мир боевых искусств. Говорили, что враги погубили мою шинян, Мо Чжу, когда они ещё странствовали по свету.

— Погубили? Как?

— Спровоцировали приступ болезни холодной крови. Это неизлечимо. Даже Мудрец медицины бессилён. Шинян умерла, а учитель с того дня сам не свой. Позже и матушка заболела тем же... Учитель пытался её лечить, но болезнь лишь обострила его старые раны. С тех пор он и сам начал угасать. Как бы я ни старался выходить его, он лишь твердил: «Оставь, Чжао-эр. Если болезнь не отступает, значит, мой срок пришёл...» Даже если...

Чжань Чжао не договорил. Он вздрогнул, и глаза его предательски покраснели.

Юйтан замолчал, чувствуя, как внутри всё сжалось. Чжань Чжао тогда было невыносимо тяжело, и рядом не было ни души, способной разделить эту ношу. Бай Юйтан вспомнил болезнь собственного брата — тогда ему тоже было больно, но его окружали верные друзья и близкие. А Чжань Чжао...

Юйтан помрачнел, и его сердце болезненно сжалось.

<http://bllate.org/book/17405/1658002>